

Судья: Шемякина Я.А.
Дело № 33-21633

146 //

АПЕЛЛЯЦИОННОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ

30 июня 2015 года

Судебная коллегия по гражданским делам Московского городского суда
в составе: председательствующего Суминой Л.Н.

судей Дубинской В.К., Мухортых Е.Н.

при секретаре: Самедове С.Ш.

заслушав в закрытом судебном заседании по докладу судьи Дубинской В.К.

дело по апелляционным жалобам представителя истцов по доверенности Буркова А.Л.,
истцов Саблиной Е.В., Саблиной Н.С., Бирюковой Т.М.

на решение Замоскворецкого районного суда г. Москвы от 07 апреля 2015 года,
которым постановлено:

- в удовлетворении исковых требований Саблиной Елены Владимировны, Саблиной Нэлли Степановны, Бирюковой Татьяны Михайловны к Государственному бюджетному учреждению здравоохранения города Москвы «Городская клиническая больница №1 им. Н.И. Пирогова Департамента здравоохранения г.Москвы, Государственному бюджетному учреждению здравоохранения города Москвы «Городская клиническая больница им. С.П. Боткина», Федеральному государственному бюджетному учреждению «Федеральный научный центр трансплантологии и искусственных органов имени академика В.И.Шумакова» Минздрава России о компенсации морального вреда, отказать,

УСТАНОВИЛА:

Саблина Е.В., Саблина Н.С., Бирюкова Т.М. обратились в суд с иском к Государственному бюджетному учреждению здравоохранения города Москвы «Городская клиническая больница №1 им. Н.И. Пирогова Департамента здравоохранения г.Москвы, Государственному бюджетному учреждению здравоохранения города Москвы «Городская клиническая больница им. С.П. Боткина», Федеральному государственному бюджетному учреждению «Федеральный научный центр трансплантологии и искусственных органов имени академика В.И.Шумакова» Минздрава России о компенсации морального вреда. Саблина Е.В. просила взыскать с ГКБ № 1 им. Н.И. Пирогова в свою пользу компенсацию морального вреда в размере 1 120 000 рублей в связи с тем, что истец не была допущена к дочери Саблиной А.О. в больнице № 1 в последний день жизни девочки; Саблина Е.В., Саблина Н.С., Бирюкова Т.М. просили взыскать с ГКБ № 1 им. Н.И. Пирогова компенсацию морального вреда в размере 1 120 000 рублей в пользу каждого за то, что они не были проинформированы о смерти Саблиной А.О., дочери и внучки истцов; Саблина Е.В., Саблина Н.С., Бирюкова Т.М. просили взыскать с ГКБ им. С.П. Боткина и Центра трансплантологии и искусственных органов им. В.И.Шумакова в пользу каждого из истцов 1 120 000 рублей в качестве компенсации морального вреда, причиненного в результате изъятия органов Саблиной А.О. без информирования и согласия родителей.

Саблина Е.В., Саблина Н.С., Бирюкова Т.М. в судебное заседание не явились, о времени и месте извещены надлежащим образом, об отложении дела не просили.

В судебном заседании представитель истцов по доверенности (т.1 л.д.28-30) Бурков А.Л. исковые требования поддержал в полном объеме, с учетом дополнительных письменных пояснений к исковому заявлению.

144

Представители ответчика Государственного бюджетного учреждения здравоохранения города Москвы «Городская клиническая больница №1 им. Н.И. Пирогова» по доверенности Бортникова О.А., Родионова С.О. в судебном заседании (т.1 л.д.126-134), в которых утверждали, что нарушений в действиях медицинского персонала ГБУЗ г.Москвы «ГКБ №1 им. Н.И. Пирогова», связанных с констатацией смерти Саблиной А.О. и взаимодействием с Московским координационным центром органного донорства (далее МКЦОД), по результатам проверки Территориального управления Росздравнадзора не установлено; врач Карзин А.В. лично сообщил о смерти Саблиной А.О. матери умершей - Саблиной Е.В., действующим законодательством не предусмотрено уведомление родственников о предстоящем изъятии органов, равно как и получение их согласия на изъятие.

Представитель ответчика Государственного бюджетного учреждения здравоохранения города Москвы «Городская клиническая больница им. С.П. Боткина» по доверенности Курицкий Б.В. в судебном заседании просил суд в удовлетворении исковых требований отказать, ссылаясь на то, что ГБУЗ города Москвы «Городская клиническая больница им. С.П. Боткина» не является надлежащим ответчиком по данному делу, поскольку бригада Московского координационного центра донорства, которая производила изъятие органов, на момент произошедших событий не относилась к ведению ГБУЗ города Москвы «Городская клиническая больница им. С.П. Боткина» и не входила в их состав, а входила в состав ГБУЗ г.Москвы «ГКБ №24 ДЗ г.Москвы»; центр вошел в состав представляемого им учреждения лишь 31.12.2014 г.

Представитель ответчика Федерального государственного бюджетного учреждения «Федеральный научный центр трансплантологии искусственных органов имени академика В.И. Шумакова» Минздрава России по доверенности Шихшаидов Ш.М. в судебном заседании просил отказать в удовлетворении иска, поскольку центр не осуществляет изъятие органов, в их обязанности входит лишь работа по пересадке поступивших к ним органов человека из соответствующих учреждений, а потому права истцов действиями (бездействием) сотрудников ФГБУ Федеральный научный центр трансплантологии и искусственных органов имени академика В.И. Шумакова» не были нарушены.

Судом постановлено выше приведенное решение, об отмене которого просят представитель истцов Бурков А.Л., истцы Саблина Е.В., Саблина Н.С., Бирюкова Т.М. по доводам, изложенным в апелляционных жалобах, утверждая, что суд допустил нарушение норм процессуального права, неверно применил нормы материального права, заявители жалоб оспаривают выводы суда о соблюдении порядка изъятия органов, настаивают на том, что действиями врачей нарушено право истцов на частную и семейную жизнь.

Проверив материалы дела, выслушав пояснения представителя истцов по доверенностям Буркова А.Л., представителей ответчика ГБУЗ г.Москвы ГКБ № 1 им. Н.И. Пирогова по доверенностям Бортниковой О.А., Родионова С.О., представителей ответчика ГБУЗ г. Москвы ГКБ им. С.П. Боткина по доверенностям Харитонова О.В., Курицкого Б.В., представителя ФГБУ «Федеральный научный центр трансплантологии и искусственных органов имени академика В.И. Шумакова Минздрава России по доверенности Шихшаидова Ш.М., обсудив доводы апелляционных жалоб, судебная коллегия находит решение суда подлежащим оставлению без изменения, как постановленного в соответствии с фактическими обстоятельствами и требованиями законодательства.

Разрешая спор, суд первой инстанции верно установил имеющие значение для дела фактические обстоятельства и дал им надлежащую юридическую оценку в соответствии с нормами материального права, правильный анализ которых изложен в решении суда.

Как установлено судом и следует из материалов дела, 11 января 2014 г. Саблина А.О. была сбита автомобилем при переходе улицы на пешеходном переходе, после чего доставлена нарядом скорой медицинской помощи в ГКБ №1 им. Н.И. Пирогова, где 17.01.2014 г. от полученных травм скончалась (т.1 л.д. 10).

Из материалов медицинской карты ГКБ №1 им. Н.И. Пирогова следует, что Саблина А.О. поступила в больницу 11.01.2014 г. в 23 ч. 20 мин. в 24 отделение реанимации и интенсивной терапии. Клинический диагноз: сочетанная травма. Открытая черепно-мозговая травма. Перелом костей свода и основания черепа. Ушиб головного мозга тяжелой степени. Ишемия ствола головного мозга. Множественные переломы костей лицевого скелета. Тупая травма груди. Ушиб левого легкого. Перелом правой лопатки. Гематома правого надпочечника. Закрытый перелом костей голени справа. Осложнения. Отек, дислокация головного мозга. Острая дыхательная недостаточность. Острая сердечно-сосудистая недостаточность (т. 1 л.д.220).

Саблина А.О. находилась на лечении в больнице 6 дней, с 11.01.2014 г. по 17.01.2014 г. В указанный период врачами предпринимались различные меры для оказания пациенту необходимой медицинской помощи. 12.01.2014 г. была проведена декомпрессионная трепанация черепа; 13.01.2014 г. была проведена расширенная декомпрессионная трепанация черепа с удалением мозгового детрита 50 куб. см; проводились активные реанимационные мероприятия, включающие в себя инфузционно-корректирующую и антибактериальную терапию, респираторную, вазопрессорную, нутритивную поддержку, профилактику стресс-повреждений ЖКТ и тромботических осложнений. Пациент находилась под динамическим наблюдением специалистов: нейрохирурга, травматолога, отоларинголога; были получены консультации смежных специалистов; осуществлялся контроль клинико-лабораторных и инструментальных исследований. (т.1 л.д.221-250, т.2- л.д. 1-13).

В ходе расследования уголовного дела по факту дорожно-транспортного происшествия, в котором был причинен вред здоровью Саблиной О.А., проведена судебно-медицинская экспертиза. Согласно заключению эксперта (экспертиза трупа) от 11 февраля 2014 г. №133/21 у Саблиной А.О. обнаружены повреждения, сформировавшие в совокупности комплекс сочетанной травмы, которая образовалась незадолго до поступления в стационар, возможно в условиях дорожно-транспортного происшествия, оценивается как тяжкий вред здоровью, между травмой и наступлением смерти имеется прямая причинно-следственная связь. Смерть Саблиной А.О. наступила от сочетанной травмы, осложнившейся отеком-набуханием головного мозга (т.1 л.д. 22-27).

17.01.2014 г. в 23 ч. 40 мин. была констатирована смерть Саблиной А.О. (т.2 л.д.7).

После констатации смерти было произведено изъятие органов, что подтверждается актом об изъятии органов у донора-трупа для трансплантирования: время начала процедуры - 03 ч. 42 мин., время окончания - 05 ч. 50 мин. (т.2л.д.11).

Согласно ст. 151 ГК РФ если гражданину причинен моральный вред (физические или нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда.

В соответствии со ст. 1099 ГК РФ основания и размер компенсации гражданину морального вреда определяются правилами, предусмотренными настоящей главой и статьей 151 настоящего Кодекса.

Моральный вред, причиненный действиями (бездействием), нарушающими имущественные права гражданина, подлежит компенсации в случаях, предусмотренных законом.

Компенсация морального вреда осуществляется независимо от подлежащего возмещению имущественного вреда.

Согласно утверждениям истцов и заявленному ими основанию иска моральный вред был причинен им незаконными действиями врачей больницы, которые лишили их возможности посетить Саблину А.О. в последний день ее жизни и не проинформировали их о наступлении ее смерти.

Представители ответчика оспаривали факт бездействия применительно к информации о смерти а также обязанность допускать родственников в отделение реанимации, где находилась Саблина А.О., по каждому их требованию.

Допрошенный в судебном заседании в качестве свидетеля Остапченко Д.А., заведующий отделением реанимации ГКБ № 1 показал, что родители Саблиной А.О. допускались к ее посещению в день их приезда, по предложению самих врачей, учитывая тяжесть состояния Саблиной А.О., ее матери Саблиной Е.В. было разрешено посетить дочь. Каждый раз, как только приходили родители Саблиной А.О., они имели право ее посещения (т.2 л.д. 29-30).

Врач анестезиолог-реаниматолог Карзин А.В., допрошенный судом в качестве свидетеля, показал, что он лично сообщил о смерти Саблиной А.О. ее матери Саблиной Е.В. (т.2 л.д. 30-31).

Представитель ГКБ № 1 им. Н.И. Пирогова по доверенности Бортникова О.А. пояснила, что посещение больных в отделении реанимации, где находились и другие пациенты, было нарушением, за что врачей впоследствии наказали.

Исходя из собранных по делу доказательств, норм материального права, суд пришел к правильному выводу о том, что доводы истцов опровергаются показаниями свидетелей, специалистов. Кроме того, законом не установлена обязанность допускать родителей пациента, достигшего 18 лет, в отделение или палату больницы, где он находился; отсутствует в законе указание на способ оповещения родственников о наступлении смерти больного. Поэтому нарушений закона в бездействии (действиях) ответчиков суд верно не усмотрел и отказал во взыскании компенсации морального вреда по приведенному основанию.

Выводы решения в данной части в апелляционных жалобах не оспариваются, коллегия полагает приведенные суждения, изложенные в решении, верными.

Разрешая иски в части возмещения морального вреда, причиненного изъятием органов Саблиной А.О. для трансплантации без информирования и согласия близких родственников, суд руководствовался нормами материального права, регулирующими данные правоотношения.

В соответствии со ст. 8 Закона изъятие органов и (или) тканей у трупа не допускается, если учреждение здравоохранения на момент изъятия поставлено в известность о том, что при жизни данное лицо либо его близкие родственники или законный представитель заявили о своем несогласии на изъятие его органов и (или) тканей после смерти для трансплантации реципиенту.

Вопрос применения и толкования норм указанного Закона дан в определении конституционного Суда РФ за № 450-О от 4 декабря 2003 года:

Определяя условия и порядок трансплантации, в частности изъятия органов и (или) тканей у трупа с целью пересадки нуждающемуся в этом реципиенту, федеральный законодатель установил в статье 8 Закона Российской Федерации "О трансплантации органов и (или) тканей человека" недвусмысленно выраженный запрет на такое изъятие в случае, когда учреждение здравоохранения на момент изъятия было поставлено в известность о том, что при жизни данное лицо либо его близкие родственники или законный представитель заявили о своем несогласии на него.

Таким образом, законодатель в данном случае избрал модель презумпции согласия на изъятие органов и (или) тканей человека после его смерти ("неиспрощенное согласие" или "предполагаемое согласие"), трактуя невыражение самим лицом, его близкими родственниками или законными представителями своей воли либо отсутствие

соответствующих документов, фиксирующих ту или иную волю, как наличие положительного волеизъявления на осуществление такого изъятия - при том, что никто после смерти не может быть подвергнут данной процедуре, если известно об отрицательном отношении к этому самого лица, его близких родственников, законных представителей.

Презумпция согласия базируется, с одной стороны, на признании негуманным задавать родственникам практически одновременно с сообщением о смерти близкого человека либо непосредственно перед операцией или иными мероприятиями лечебного характера вопрос об изъятии его органов (тканей), а с другой стороны - на предположении, обоснованном фактическим состоянием медицины в стране, что на современном этапе развития трансплантологии невозможно обеспечить выяснение воли указанных лиц после кончины человека в сроки, обеспечивающие сохранность трансплантата.

Необходимым условием для введения в правовое поле презумпции согласия на изъятие в целях трансплантации органов (тканей) человека после его смерти является также наличие опубликованного для всеобщего сведения и вступившего в силу законодательного акта, содержащего формулу данной презумпции, - тем самым предполагается, что заинтересованные лица осведомлены о действующих правовых предписаниях. В Российской Федерации таким актом является Закон Российской Федерации "О трансплантации органов и (или) тканей человека".

Кроме того, российское законодательство не препятствует гражданам зафиксировать в той или иной форме (в том числе нотариальной) и довести до сведения учреждения здравоохранения свое несогласие на изъятие у них органов и (или) тканей после смерти в целях трансплантации, причем нарушение соответствующего волеизъявления влечет наступление юридической ответственности.

Таким образом, оспариваемая в запросе Саратовского областного суда статья 8 Закона Российской Федерации "О трансплантации органов и (или) тканей человека", содержащая формулу презумпции согласия на изъятие в целях трансплантации органов (тканей) человека после его смерти, сама по себе не является неясной или неопределенной, а потому не может рассматриваться как нарушающая конституционные права граждан.

В ходе рассмотрения дела судом установлено, что согласия истцов на изъятие органов Саблиной А.О. не истребовалось, информацию о намерении совершить данные действия истцам не передавали.

По мнению истцов, бездействие врачей носило незаконный характер и нарушило их конституционные права.

Суд с этими доводами не согласился, указав, что действующее российское законодательство не возлагало на ответчиков таких обязанностей, о неисполнении которых заявляют истцы.

Ссылки представителя истцов на постановление Европейского суда по правам человека, в частности на дело «Петрова против Латвийской Республики» от 24.06.204 г., на дело «Элберт против Латвии» от 13.01.2015 г., которым, по мнению заявителя, было установлено нарушение ст. 8 Конвенции о защите прав и основных свобод человека при аналогичных обстоятельствах, суд признал несостоятельными, поскольку постановление ЕСПЧ вынесено в отношении другой страны и обязательной силы для Российской Федерации не имеет.

Суд верно не согласился с доводом представителя истцов о том, что органы человека являются имуществом и могут быть унаследованы ее родственниками. Действующее законодательство Российской Федерации не относит к вещам органы человека, которые имеются у него с момента рождения, соответственно, входить в состав наследственной массы они не могут.

Доводы представителя истцов о нарушении порядка изъятия органов, а также порядка установления смерти мозга, суд правильно оценил как несостоительные, поскольку в судебном заседании установлено, что было получено разрешение дежурного администратора учреждения, который наделен полномочиями руководителя медицинского учреждения в ночное время, согласно положению о дежурном администраторе по приказу №375 от 26.11.2012 г. (т.2 л.д.11). Изъятие органов, осуществлялось после бесспорного установления факта смерти пациентки, зафиксированной протоколом установления смерти мозга, протоколом установления смерти человека на основании критериев и проведенной процедуры установления смерти человека. Постановлением об отказе в возбуждении уголовного дела Замоскворецкого межрайонного следственного отдела ГСУ СК России по г.Москве СУ по Центральному АО г.Москвы от 04.07.2014 г. было установлено, что порядок процедуры изъятия органов у трупа был соблюден в полном объеме, сама процедура проходила в соответствии с требованиями законодательства (т.1 л.д. 77-80).

Судом проверялся довод представителя истца о том, что было изъято больше органов, чем перечислено в акте изъятия (т.2 л.д. 11), своего подтверждения этот довод не нашел, поскольку в акте указано на изъятие сердца, а также двух почек.

Как следует из пояснений представителя ответчика Государственного бюджетного учреждения здравоохранения города Москвы «Городская клиническая больница №1 им. Н.И. Пирогова» по доверенности Родионовой С.О., имеющей соответствующее медицинское образование, что подтверждается документами, приобщенными к материалам дела, сердце с приводящими сосудами используется как единый орган, и пронизывает легочную систему, а потому при изъятии используется, в том числе легочная ткань. Надпочечники удаляются при этом вместе с почками в ходе трансплантации; почки во всех заключениях всегда указываются как один орган (т.2 л.д. 11). Об изъятии органов: сердца и почек, свидетельствует также заключение эксперта (экспертиза трупа), данные вскрытия, отраженные в заключении, не противоречат полученным объяснениям Родионовой С.О. и содержанию акта изъятия органов (т.1 л.д.22-27).

Учитывая, что доказательств незаконности действия (бездействия) ответчиков, истцами не было предоставлено, суд пришел к правильному выводу об отказе в удовлетворении иска в полном объеме.

Выводы решения сделаны на основании правильно и полно установленных юридически значимых обстоятельств по делу, при верном применении норм материального права, поэтому коллегия с ними согласна.

По мнению представителя истцов, суд неверно применил нормы материального права, а именно, ст. 8 Закона о трансплантации; выявилось противоречие между нормами статей 3,8 и 10 Конвенции и статьей 8 закона, в обязанности суда входило разрешение коллизии и применения норм Конвенции, ратифицированной Российской Федерацией.

Коллегия с изложенной позицией не согласна, полагая ее ошибочной. Представитель истцов не наделен правом самостоятельного обязательного толкования норм Закона и Конвенции. Между тем Конституционный Суд РФ дал необходимые разъяснения о порядке применения приведенной нормы закона, которые были верно применены судом.

Европейский Суд по правам человека не выносил постановлений, в которых бы содержались выводы о наличии противоречий между ст. 8 Закона РФ и Конвенцией. Приводимое в ходе рассмотрения дела и в апелляционной жалобе Постановление ЕСПЧ также не содержит оценок российского законодательства по обсуждаемой проблеме при всеобщем признании, что решение проблемы, составляющей предмет спора, требует комплексного подхода, учитывающего культурные, исторические, социальные различия государств - членов ЕС, сложившиеся в обществе и стране религиозные и этические взгляды.

Указания Верховного Суда РФ по вопросам применения общепризнанных принципов и норм международного права, Конвенции о защите прав человека и основных свобод, данные в постановлениях Пленумов от 10 октября 2003 года и 27 июня 2013 года, приведены в апелляционной жалобе неверно, как с точки зрения буквального их содержания, так и смысловой нагрузки. Обязательным к применению судами общей юрисдикции являются правовые позиции Европейского Суда по правам человека, которые содержатся в окончательных постановлениях Суда, принятых в отношении положений этих договорных актов, когда предполагаемое нарушение имело место после вступления их в силу в отношении Российской Федерации.

В апелляционной жалобе представитель истцов утверждает, что суд допустил нарушение норм процессуального права - ст. 6 Конвенции о праве гражданина на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона, так как суд отклонил главный аргумент заявителей об обязанности врачей сообщить о планируемом изъятии органов, суд не исполнил обязанность мотивировать решение, ненадлежаще рассмотрел доводы, аргументы и доказательства, представленные сторонами, не исследовал ключевые вопросы. Приведенные доводы коллегия оценивает как несостоительные, поскольку все действия, направленные на справедливое разбирательство дела, судом были совершены (стороны имели возможность дать объяснения, представить доказательства, относящиеся к предмету спора, постановленное решение содержит доводы сторон и мотивы, по которым эти доводы были судом отвергнуты). Автор жалобы не привел ни одного конкретного факта в подкрепление сделанных заявлений, выразив лишь несогласие с выводами решения, однако само по себе отличие позиции представителя истцов от выводов, к которым пришел суд, не может рассматриваться как нарушение норм процессуального права либо статей Конвенции.

Ссылки представителя истцов на то, что суд неправильно определил обстоятельства, имеющие значение для дела, коллегия также оценивает как неверные. Так, заявитель жалобы указывает, что суд в установочной части решения неполно изложил существо заявленных требований, не отразил, что причинение морального вреда истцы связывают с изъятием органов Саблиной Алины без согласия родителей и без информирования родителей о предстоящем изъятии. В действительности, в тексте решения верно и полно приведено содержание исков, дана оценка всем основаниям, на которые ссылались истцы, включая и то, что вновь привел в жалобе представитель. По мнению заявителя жалобы, суд безосновательно отказал в допросе свидетелей – трансплантологов, принимавших участие в изъятии органов Саблиной А.О., руководителей медицинских учреждений. Однако ходатайство, заявленное представителем истца в основном судебном заседании, не соответствовало требованиям ст.69 ГПК РФ, не были указаны фамилии, имена, отчество свидетелей, их место жительство, а также не были приведены обстоятельства, имеющие значение для дела, которые могли сообщить суду эти свидетели, на что указал суд при вынесении определения по результатам рассмотрения ходатайства (т.2 л.д. 34).

С доводами апелляционных жалоб о процессуальном нарушении, выразившемся в рассмотрении дела в закрытом судебном заседании, что, по мнению истцов, нарушает нормы ст. 6 Конвенции, коллегия также не согласна, полагая, что эти доводы происходят из ошибочного толкования норм права.

Согласно ст. 10 ГПК РФ разбирательство дел во всех судах открытое.

Разбирательство в закрытых судебных заседаниях осуществляется по делам, содержащим сведения, составляющие государственную тайну, тайну усыновления (удочерения) ребенка, а также по другим делам, если это предусмотрено федеральным законом. Разбирательство в закрытых судебных заседаниях допускается и при

удовлетворении ходатайства лица, участвующего в деле и ссылающегося на необходимость сохранения коммерческой или иной охраняемой законом тайны, неприкосновенность частной жизни граждан или иные обстоятельства, гласное обсуждение которых способно помешать правильному разбирательству дела либо повлечь за собой разглашение указанных тайн или нарушение прав и законных интересов гражданина.

О разбирательстве дела в закрытом судебном заседании в отношении всего или части судебного разбирательства суд выносит мотивированное определение.

Решения судов объявляются публично, за исключением случаев, если такое объявление решений затрагивает права и законные интересы несовершеннолетних.

Из материалов дела усматривается, что судом было удовлетворено ходатайство представителя ГКБ № 1 о рассмотрении дела в закрытом судебном заседании в связи с необходимостью оглашения сведений, составляющих врачебную тайну. При этом представитель ответчика обратил внимание на то, что сохранение тайны в отношении методов лечения, всех манипуляций, произведенных врачами, защищает интересы самого больного, Саблиной Алины, интересы других пациентов, нуждающихся в пересадке органов, общества, от лица которого был принят закон «О трансплантации», правом распоряжаться такой информацией в отношении даже умершего человека его родственники не обладают. Результаты рассмотрения ходатайства отражены в мотивированном определении суда, которым учтены все аспекты позиции ответчика и нормы закона (т.1 л.д. 47-48). Резолютивная часть решения, постановленного по делу, оглашена публично (т.2 л.д. 39), против чего представитель истцов не возражает.

Таким образом, нарушений норм процессуального права судом не допущено.

Приведенные нормы гражданско-процессуального законодательства Российской Федерации не противоречат нормам международного права, в частности, ст. 6 Конвенции, которая также допускает рассмотрение дела при отсутствии публики и прессы в течение всего процесса или его части по соображениям морали, общественного порядка или национальной безопасности.

Кроме того, принцип гласности включает в себя различные способы, обеспечивающие доступ сторон, широкой общественности к информации о мотивах постановленного решения. Истцы по делу использовали все имевшиеся у них сведения, полученные по существу спора, по своему усмотрению, оглашали эту информацию в различных средствах массовой информации, включая прессу и телевидение, подтверждение чему сами передали суду в видеоматериалах. Текст решения, включающий мотивы его вынесения, был предоставлен истцам в лице их доверенного лица, что подтверждается распиской в получении (т.2 л.д.53).

Обязательность оглашения судом в заседании полного текста решения не предусмотрена ни нормами российского законодательства, ни Конвенцией о защите прав человека и основных свобод.

Доводы заявителей жалобы о том, что было нарушено их право на справедливый суд со ссылкой на участие в деле прокурора, коллегия также отвергает. Согласно протоколу судебного заседания от 6-7 апреля 2015 года в деле участвовал помощник Замоскворецкого межрайонного прокурора г. Москвы Савосина Ю.В., которая вступила в дело на стадии окончания судебного следствия и дала заключение по делу об отказе в удовлетворении иска (т.2 л.д. 34-37). Однако выраженная позиция прокурора не является для суда обязательной, стороны, выступавшие в процессе, до и после этого заключения имели возможность полностью реализовать свои права в процессе, убеждать суд в правильности своей позиции, высказать свою оценку по предмету спора. При таких обстоятельствах коллегия не усматривает нарушения прав сторон на объективное рассмотрение дела, хотя бы и с участием прокурора на стадии окончания процесса.

159

С учетом изложенного судебная коллегия приходит к выводу, что при разрешении спора суд правильно определил юридически значимые обстоятельства, они подтверждены материалами дела и исследованными судом доказательствами, которым дана надлежащая оценка. Нарушений норм процессуального и материального права, влекущих отмену решения, в том числе тех, на которые ссылаются заявители жалоб, судом допущено не было.

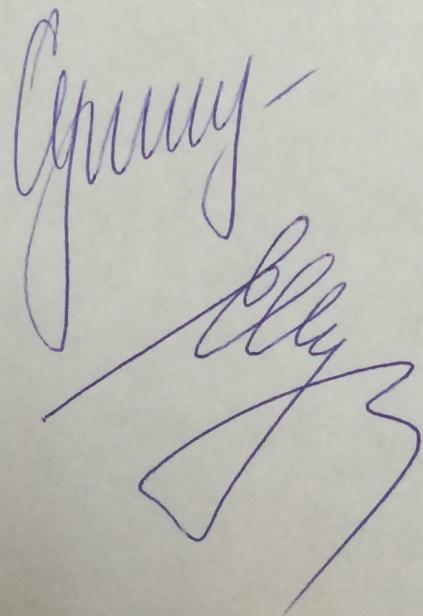
На основании изложенного, руководствуясь ст.329 ГПК РФ, судебная коллегия,

ОПРЕДЕЛИЛА:

Решение Замоскворецкого районного суда г. Москвы от 07 апреля 2015 года оставить без изменения, апелляционные жалобы - без удовлетворения.

Председательствующий:

Судьи:

The image shows two handwritten signatures in blue ink. The top signature is written vertically and appears to read 'Судьи' (Judge). Below it is another signature, which is more stylized and less legible but also represents a signature of a judge.